

ИМПЛЕМЕНТАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Республика Беларусь — одно из государств — участников Евразийского экономического союза — интеграционного объединения, обладающего международной правосубъектностью, и для осуществления целей имеющих свое право. Споры о месте норм международного права в правовой системе Республики Беларусь ведутся уже давно, а создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) предопределило повод для новых дискуссий. В данной статье анализируются подходы к данной проблеме в белорусской науке и предлагаются пути модернизации законодательства для ее разрешения.

Среди ученых нет единогласия относительно имплементационного механизма Республики Беларусь. Впервые спор о применении норм международного права в научном сообществе суверенной Беларуси возник в 1991 г относительно права суда на применение норм Международного пакта Организации Объединенных Наций «О гражданских и политических правах», в части права суда на рассмотрение жалобы на меру пресечения в виде заключения под стражу [1]. Спор был разрешен в пользу права суда на использование норм международных договоров, ставших обязательными для Республики Беларусь.

Основы имплементационного механизма Республики Беларусь заложены в Конституции. В частности, в ст. 8 Основного Закона закреплены приоритет принципов международного права и необходимость соответствия им законодательства [2]. Кроме того, в ч. 2 ст. 33 Закона от 23 июля 2008 г. «О международных договорах Республики Беларусь» общепризнанные принципы международного права и нормы вступивших в силу международных договоров являются частью права, действующего на территории Республики Беларусь, и подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из договора следует, что для применения норм требуется принятие внутригосударственного нормативного правового акта, и имеют силу этого акта [3]. Аналогичная норма содержится и в ст. 20 Закона от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (с изм. и доп.) [4]. В отдельных нормативных правовых актах применяется метод частичной отсылки, устанавливающий приоритет международных договоров, например, в ч. 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь». Подобный подход с использованием норм, устанавливающих приоритет норм международного права над нормами конкретного нормативного правового акта, мог бы решить проблему с определением места норм международного права. Однако подобная практика является скорее исключением, поэтому в большинстве случаев место норм международного права в системе национального права остается неопределенным.

Помимо приведенной позиции о неясности места норм международного права в системе национального права [5] существуют и обратные взгляды, отстаивающие наличие места норм международного права, согласно которым международные договоры Республики Беларусь имеют приоритет над законами, декретами и указами (за исключением случаев, когда для реализации акта необходимо издание актов Президентом, Парламентом, Правительством Республики Беларусь, министерством и т.п.) на основании ст. 116 Конституции [6].

Можно отметить общее несовершенство имплементационного механизма, предусмотренного законодательством, способствующее возникновению различных мнений в научной среде, что приводит к необходимости совершенствования имплементационного механизма Республики Беларусь.

Вместе с тем в ЕАЭС, который является интеграционным объединением, призывающим к гармонизации законодательства, существует проблема различных национальных имплементационных механизмов государств-участников. Для достижения общих целей необходимо точное и единообразное применение права, о котором сложно говорить ввиду отсутствия общего имплементационного механизма, что в определенный момент может привести к отказу одного из государств-участников исполнять решения органов ЕАЭС. В качестве примера можно привести отказ Российской Федерации от исполнения решения Европейского суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков против России» [7].

Основы имплементационного механизма уже заложены в Договоре о Евразийском экономическом союзе. Одной из составляющих частей права ЕАЭС в соответствии со ст. 6 и 8 Договора о ЕАЭС являются решения и распоряжения органов Союза. Определение решению дано в ст. 2 Договора (решение — акт, принимаемый органами Союза, содержащий положения нормативно-правового характера). В ст. 6 Договора дано разъяснение относительно применения решений отдельных органов Союза. Решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством. Решения же Евразийской экономической комиссии, согласно ч. 2 п. 13 Приложения № 1 к Договору о ЕАЭС, подлежат непосредственному применению на территории государств-членов [8].

Дальнейшее совершенствование имплементационного механизма в рамках ЕАЭС будет способствовать повышению престижа ЕАЭС как интеграционного объединения, обеспечит точное и единообразное исполнение актов органов ЕАЭС и разрешение споров в научной среде в отношении места актов органов ЕАЭС в системе национального права.

Разработка данного механизма должна быть осуществлена путем заключения дополнительного договора в рамках ЕАЭС. Сам же механизм, на наш взгляд, должен предусматривать механизм имплементации именно актов органов ЕАЭС в систему национального права, определять место актов в иерархии нормативных правовых актов и рассматривать различные варианты коллизий. Данный договор должен быть обязательным для подписания каждым новым членом ЕАЭС, что позволит обеспечить дальнейшую евразийскую интеграцию.

Таким образом, белорусская наука пока не выработала единого мнения относительно механизма имплементации. Также различается законодательство стран — участниц ЕАЭС по данному вопросу, что препятствует точному и единообразному применению актов органов ЕАЭС. Новым витком интеграции могут стать разработка и внедрение общего механизма имплементации норм ЕАЭС в рамках Союза.

Литература

1. Определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь // Судовы весн. — 1992. — № 3. — С. 26–34.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 г., с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 1999. — № 1. — 1/0; 2004. — № 188. — 1/6032.
3. О международных договорах Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 23 июл. 2008 г., № 421-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2008. — № 184. — 2/1518.
4. О нормативных правовых актах Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З : с изм. и доп. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2000. — № 7. — 2/136. — 2009. — № 161. — 2/1583.
5. Павлова, Л. Международное право в правовой системе государств / Л. Павлова // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 1999. — № 3. — С. 1–6.
6. Василевич, Г. А. Нормативные правовые акты государственных органов Республики Беларусь / Г. А. Василевич. — Минск : Право и экономика, 1999. — 232 с.
7. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Конст. Суда Рос. Федерации, 19 апр. 2016 г., № 12-П // КонсультантПлюс: Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2016.
8. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс], 29 мая 2014 г. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.

А.С. Максименко

Научный руководитель — кандидат экономических наук И.К. Козлова

ПРОИЗВОДНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассмотрены некоторые особенности законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации, регулирующие операции с производными финансовыми инструментами (ПФИ).